

М.О. Пискунов

«БОЛЬШАЯ» ИСТОРИЯ АКАДЕМГОРОДКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ НАУКИ

Результаты были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.».

Приведен анализ историографии новосибирского Академгородка. Анализируется сложившаяся литература вопроса и предлагается три контекста, в которые стоит поместить дальнейшие исследования Академгородка: проектно-менеджеральный, социально-антропологический, социально-экологический. Значительное место уделено рефлексивной роли, которую история науки и техники может играть для социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: культуральная история науки и техники; STS; Big Science; Академгородок; наукограды; экологическая история; Обнинский проект.

Научное знание – один из двигателей современного мира. Формирование нововременной науки и рождение модерной цивилизации пересекаются по времени в начале-середине XVII в. Исследования истории научных исследований имеют ценность не только для самой науки или ее отдельных частей, но и для всего широкого социального контекста, в котором существует институт Академии. В этом тексте я хочу проанализировать такой объект исследования, как советские города науки, особенно случай новосибирского Академгородка, оценить историографическое состояние поля и наметить возможные направления исследований, которые были бы перспективны не только для истории науки как отдельной субдисциплины, но и для плодотворной трансформации отечественной исторической науки в целом.

Мой тезис в том, что, изучая сибирские академгородки и наукограды через призму подходов культуральной истории науки, мы можем продвинуть не только историографию советских исследований или славистику, но и внести серьезный вклад в мировое обсуждение тех контекстов и перемен, частью которых является наука. При этом обращение к социальной или культуральной истории науки для историков важно в том числе для рефлексии собственного положения в процессе производства социально-гуманитарного знания. Для этого я предлагаю три возможных контекста обсуждения академгородков: 1) проектно-менеджеральный, проблематизирующий их как определенный проект советской политической и административной организации Big Science; 2) социально-антропологическое измерение науки и научности – искать отражение «больших» социальных вопросов и конфликтов (связанных с гендером, классом, этносом и прочими «большими» категориями) в многообразии явлений научной жизни академгородков; 3) социально-экологический контекст – проблематизацию феномена советских научных городов через сюжеты их взаимодействия с окружающей средой в широком смысле – от городских лесов и парков до микро- и макромира.

Но прежде чем говорить о советских академгородках, я хочу затронуть сторонний сюжет о том, почему история науки и техники в России оказалась на периферии исследовательского интереса по сравнению с

политической историей и почему эту ситуацию нужно изменить. Начавшись в 1910–1920-е гг. в общемировой логике как вспомогательная дисциплина для ученых-естественников, история науки под идеологическим воздействием марксизма быстро вышла на передовые экстерналистские позиции. Но политическая вовлеченность (первым директором Института по истории науки и техники АН СССР был опальный Н.И. Бухарин) не только давала передовую по тем временам исследовательскую оптику, но и ставила развитие дисциплины в зависимость от отношения государства к ее проблематике – в том числе в смысле репрессий и следования в фарватере партийно-государственной политики [1]. В этой ситуации наиболее рациональной моделью поведения для исследователей, стремившихся сохранить остатки своей автономии, становится уход в частные проблемы истории отдельных научных дисциплин, биографии выдающихся исследователей и летописи открытий.

Вынужденное возвращение к позитивистским подходам в истории науки и стремление к автономии от государственной политики логически вело к восстановлению элитарной научной идеологии, имплицитно свойственной взгляду ученых на самих себя. Эта идеология предполагает существование изолированного от общества научного сообщества, которое обладает сверхкомпетенцией в вопросах истинности той или иной теории. Внешнее по отношению к научному сообществу вмешательство в вопросы научной истины или даже научной политики воспринимается как насилие и нарушение общественного договора между Академией и остальным обществом. Поскольку подобный взгляд подразумевает существование самодостаточных изолированных друг от друга сфер общественной жизни, социальных групп и индивидов, то можно осторожно обозначить его как либеральный. Само по себе существование идеологии внутри академического сообщества не должно удивлять – здесь можно вспомнить классическую работу Ф. Рингера о том, как научное сообщество немецких университетов десятилетиями существовало в ситуации конфликта либералов и националистов [2].

Наиболее ярко либеральная идеология проявилась в самом крупном историографическом сюжете отечественной истории науки – теме лысенковщины в ста-

линском / хрущевском СССР. С самого падения Т. Лысенко в 1964 г. советские биологи и генетики пробовали себя в роли историков и рефлексировали трагедию советской биологии 1930–1960-х гг. и свою роль или своих учителей в тех событиях. Пиком исследовательских и мемуарных публикаций на эту тему стали последовавшие за перестройкой годы [3–6], затем интерес к лысенковщине постепенно угасал (впрочем, еще в 2008 г. комиссия по лженауке РАН сочла необходимым указать на лженаучность аполитичной лысенковщины [7]). Особенностью большинства отечественных профессиональных¹ публикаций в этом поле является их «активистский» характер – они написаны с позиций научного сообщества (как отдельной социальной группы) и для научного сообщества. В этом качестве исследования лысенковщины воспроизводят указанную элитистскую идеологию ученых как «круга достойных», в который недопустимо внешнее вмешательство. Характерно, что зарубежная историография лысенковщины, для которой эти события были менее политически актуальны, в гораздо большей степени вписывает эту тему в общие исследовательские проблемы славистики и советологии. Например, с точки зрения Л. Грэма [9], реализующего одновременно интерналистский подход в истории науки и ревизионистский в советских исследованиях, Лысенко и его сторонников едва ли стоит воспринимать как просто агентов государства (или тем более идеологических агентов Коммунистической партии) в стане аполитичной науки. Более справедливым было бы видеть в них группу ученых-карьеристов, которым в условиях и атмосфере сталинизма определенными практиками удалось получить политическую протекцию и санкцию на устранение или устрашение своих оппонентов. При таком подходе наука и ученые не существуют отдельно, а являются частью общественной или политической жизни. Похожую интерпретацию уже более предметно в 1990-е гг. высказал Н. Кременцов [10].

Хотя сюжет лысенковщины сам по себе располагает к элитистскому взгляду на науку, опасность такого способа выстраивать нарратив в целом, помимо отрыва науки от больших общественных процессов, заключается еще и в фетишизации авторитетов настоящего времени. Последнее особенно опасно для истории науки, в которой авторитеты могут меняться даже быстрее, чем в политике, благодаря особенностям научного поиска. Я убежден, что замечательным источником сюжетов для отработки более современных подходов к истории науки и научности могут стать советские города науки 1950–1980-х гг., академгородки и наукограды, т.е. такие пространства жизни и науки, в которых сгущено множество социальных и культурных контекстов, а политика не проявляется столь односторонне как в теме лысенковщины.

Начинать обсуждение академгородков нужно с модельного их экземпляра – новосибирского. За 60 лет своего существования новосибирский Академгородок оставил заметную историографию [11]. Эту историографию можно условно разделить на две неравные части. Первая, самая многочисленная, это так называемый академгородковский миф – представле-

ния первых поколений «аборигенов» о себе и своем городе как о пространстве свободы, творчества и научного поиска среди тайги и тоталитарного государства. Этот миф жанрово и органично вплетается в более общий интеллигентский миф об «оттепели» [12]. Из идеи о золотом веке конца 1950-х – начала 1970-х гг. логично вытекает идея «железного века» конца 1980–1990-х гг., когда поколение отцов-основателей умерло, талантливая молодежь мигрировала, финансирование уменьшилось, атмосфера стала более душевной или безысходной. В основном академгородковский миф представлен в мемуарных и публицистических сочинениях; из работ профессионалов нужно упомянуть классическую монографию Пола Джозефсона [13], особенно ценную, так как это единственное обобщающее тему Академгородка историческое сочинение. Однако подход, который Джозефсон использует для того, чтобы соединить множество локальных сюжетов, – это устаревшая теория тоталитаризма и отлично размещающейся в ней «академгородковский миф». С известной долей осторожности можно сказать, что этот миф – частный случай отмеченной выше специфической либеральной идеологии отечественного научного сообщества.

Вторая часть историографии Академгородка – это работы историков-профессионалов, использующих академгородковские источники для разработки дисциплинарных историографических сюжетов. В основном речь идет о работах институционалистского толка, в фокусе которых лежат вопросы государственной научной политики на востоке страны [14, 15], строительства Академгородка [16] и истории научно-исследовательских институтов СО РАН [17, 18]. Особняком стоят работы И.С. Кузнецова о традициях диссидентства и политического разномыслия в местной академической среде [19], которые затрагивают темы тоталитаризма и сопротивления ему. Проблема этих работ в том, что взятые как целое они дают фрагментарную картину, в которой Академгородок распадается на множество отдельных контекстов, ни один из которых не объясняет его феномен. Определенную проблему для такого феноменологического взгляда представляют традиционные для отечественной исторической науки институционалистские подходы, когда историк идет вслед за своими преимущественно государственными по происхождению источниками и воспроизводит ведомственный взгляд на явления общественной жизни. Отсюда некоторая бедность «персонажей» исторических исследований – это либо утверждающее (или, наоборот, неспособное утвердить) свою власть государство (или его эрзац в лице Академии наук), либо сопротивляющиеся ему «лучшие люди» (диссиденты или ушедшие в «чистую науку» ученые). Вольно или невольно такой нарратив воспроизводит тоталитарный подход, развернутая критика которого, пожалуй, сегодня будет излишней [20].

Историческому цеху, научному и экспертным сообществам, наконец, самим жителям многочисленных постсоветских «городов науки» требуется новая социальная, культуральная и сравнительная история академгородков. Такие исследования, которые бы обращались к их материалам не ради них самих, а ради

того, чтобы решать большие вопросы историографии, научного знания в целом, социальной и экономической практики. Например, новосибирский Академгородок в экспертных публикациях уже почти четверть века называют сибирской Кремниевой долиной. Эта метафора, видимо призванная быть самосбывающейся, раз за разом разбивается об ограниченный успех частных и государственных попыток перезапустить здесь масштабное производство инноваций, вернуть «золотой век» Академгородка. С точки зрения профессионалов-гуманитариев, в этих неудачах нет ничего удивительного: государственные, корпоративные и академические менеджеры пытаются перезапустить явление, сущности которого они не понимают и подменяют либо собственными мифами, либо метафорами из американского контекста. Об Академгородке часто говорят как о проекте, но по сей день нет сочинения, которое бы содержательно оценило и сильные, и слабые стороны проекта.

Я полагаю, что объяснение феномену Академгородка стоит искать в трех контекстах: социально-антропологическом, менеджериальном и экологическом. Антропологический подход означает изучать человека академгородков. Какой дискурс, какую идеологию воспроизводил Академгородок среди своих обитателей? Что значило быть ученым в Академгородке, как происходила интеграция и конкуренция разных научных дисциплин? В чем специфика труда и досуга в городе науки, какие смыслы он продуцировал внутри и вовне? Почему в конце 1950-х гг. здесь сумели укорениться гонимые науки вроде генетики, а десятилетием позже зацвели цветы советского «ню-эйджа» и даже лженаука (о ню-эйдже в советском научно-популярном дискурсе см. [21])? Отчасти «академгородковский миф» отвечает на эти вопросы, но он отвечает идеологически, т.е., говоря словами Альтюссера, выражает «воображаемые отношения индивидов с реальными условиями их существования» [22]. Для того чтобы превратить «академгородковский миф» в научное знание, требуется его критика, причем критика именно с точки зрения теорий субъекта – расщепить идеологическое единство на сложность и пестроту акторов реальной жизни². При этом мало просто заявить о социальной сложности феномена Академгородка, он должен быть объяснен в том числе через «большие» категории социальных наук – класс, гендер, этнос, институты, идентичность, профессию и пр. Причем такое объяснение должно вестись не только с точки зрения тех людей, которые выиграли от создания СО АН в 1957 г., но и тех, которые проиграли – в их числе приехавшие на новое место, но вынужденные уехать по ряду причин³.

Менеджериальный подход смещает акцент на проектность Академгородка в самом широком контексте. Вторая мировая война знаменовала новый этап в функционировании науки как социально-экономического института. Появляется так называемая Big Science [24], наука, покинувшая тесные стены университетских и институтских «башен из слоновой кости», интегрированная в производство, решающая большие экономические и политические задачи. Первым примером такой науки был Манхэттенский про-

ект в США, которому в СССР в 1940–1950-е гг. соответствовали советские ядерный и космические проекты, объединявшие сотни тысяч человек по всей стране – политиков, ученых, инженеров, рабочих и т.д. Академгородок возник именно в этом ряду – как принципиально новый способ пространственной междисциплинарной интеграции естественно-научных дисциплин и одновременно сочетание их фундаментальных исследований с потребностями народного хозяйства (преимущественно военно-промышленного комплекса). Отсюда «треугольник Лаврентьева», менеджерский принцип, которым часто описывают специфику Академгородка, в котором вершинам треугольника соответствуют фундаментальная наука, производство и образование [25]. Впрочем, реализация этого принципа на практике – отдельный вопрос, еще ждущий своего скрупулезного исследователя. Кроме того, не стоит забывать, что проект Академгородка имеет минимум четыре воплощения – в Новосибирске, Томске, Иркутске, Красноярске, каждое из которых имеет свою специфику и результаты. Анализируя академгородки, историку важно избавиться от празднично-торжественного тона, столь свойственного «юбилейной историографии», осветить сильные и слабые стороны, т.е. работать собственно в залоге проекта, а не наследия.

Институционально, в виде государственной политики, эта тема достаточно широко освещена в историографии. Однако не хватает более широкого контекста, идеи социалистической Big Science с акцентами на все эти три слова. Big Science в том смысле, что Академгородок это часть глобального процесса трансформации научных институтов, процесса, который не завершен и по сей день и который, вероятно, будет определять социальные ландшафты XXI и XXII столетий. А социалистическая в том смысле, что академгородки имели важное значение для перезапуска социалистических идей после разоблачения Сталина на XX съезде КПСС. Уже не столько классовая борьба, сколько наука должна была пробить путь к коммунизму, и этот путь требовал новых общественных форм и новых людей [26]. Наконец, прилагательное социалистический указывает на целый ряд советских специфик Академгородка и академической науки в 1950–1980-е гг. Прежде всего, это политическая и административная роль АН СССР – с одной стороны, уникальная в мировой истории, с другой стороны, отвечающая на вызовы времени. Академия наук СССР – это одновременно и могущественное «министерство науки», часть социалистического государственного аппарата, и общественная организация с традициями цеховых средневековых университетов (идеи самоуправления и автономии, которые особенно расцвели в Академии в период перестройки и после крушения СССР). А советский академик мыслился одновременно как лидер научного направления, человек, способный решать максимально фундаментальные научные задачи⁴, и административный лидер, зачастую директор института, важный человек в партийно-государственной иерархии. Первое должно было вести ко второму (но не всегда вело), знание – прямо к власти, и эта особенность советского опыта

до сих пор не осмыслена научным сообществом в достаточно абстрактном и аналитическом виде. Несмотря на то, что современность ребром ставит перед нами вопросы о сочетании научного лидерства и административного руководства. Не говоря уже о том, что идеи о философах-правителях были высказаны еще Платоном в своем «Государстве», и уже две с половиной тысячи лет волнуют мировую политическую мысль.

Третий важный контекст, который может изменить наши представления о советских академгородках, – контекст экологической истории (Environmental History). Вопрос о взаимодействии ученых с окружающей средой в рамках этого становящегося все более влиятельным направления поднимается сам собой, так как последние три-четыре столетия именно ученые по большей части ответственны за наше воображение природы [27]. Но в случае сибирских академгородков есть и более приземленный повод посмотреть на них с этой стороны. Во-первых, все они более или менее погружены в лесной массив, более или менее отделены им от своих городов. Контекст леса важен для выстраивания идентичности местных жителей. В этом жителей академгородков зачастую поддерживают жители прочих отечественных наукоградов (отмечу, что даже их гербы зачастую характеризуются доминированием зеленого).

Наконец, сибирские академики М.А. Лаврентьев и А.А. Трофимук были теми, кто в середине 1960-х гг. начал (вместе с иркутскими учеными и писателями-почвенниками) дискуссию о Байкальском ЦБК – первую в нашей стране большую дискуссию по проблемам влияния промышленного развития на экологию. А уже в 1990-е гг. В.А. Коптюг, сменивший М.А. Лаврентьева и Г.И. Марчука на посту председателя президиума СО АН, прославился отстаиванием концепции устойчивого развития как на уровне Академии, так и на уровне страны. Долгий «роман» сибирской Академии с экологическими вопросами еще ждет исследователя, который бы раскрыл его причины и сопутствующие контексты.

Эти подходы и контексты находятся в общем соответствии с новейшими тенденциями как исследований науки, так и социально-гуманитарного знания в целом. Более того, указанные проблемы отечественной мысли уже преодолевались мировой историей науки. Исторически рефлексия научного знания и научной деятельности лежала скорее в области интересов философов-эпистемологов. Начиная с Галилея и Декарта, ключевым вопросом науки был вопрос о правильном методе, который отделил бы точное научное знание от неточного, обыденного. При этом сами ученые оставались элитарной социальной группой и не солидаризировались с какими-либо общественными субъектами. Поэтому первые сочинения по истории науки воспроизводили уже описанный нами идеологический взгляд – наука это внутреннее дело ученых и для ученых [28].

Доклад Б. Гессена [29] о социально-экономических корнях физики Ньютона, последовавшая за

ним борьба экстернализма и интернализма при объяснении научного мышления и научных открытий, наконец, прорывное сочинение Т. Куна [30] о том, что смена научных парадигм связана не столько с культурой академических дискуссий, сколько с общей циркулирующей идеей в обществе и сменой поколений ученых – все это поколебало прежние представления о науке как простом накоплении кирпичиков позитивных знаний и об ученых как о бескорыстных обжигателях этих кирпичиков.

За последние полвека экстернализм продвинулся далеко за пределы концепции Куна. В середине 1970-х гг. Эдинбургская школа социологии знания [31] предложила рассматривать научное знание как разновидность культуры, что означало попадание в область исследовательского интереса не только успешных, но и ошибочных концепций. Десятилетием позже Бруно Латур и его коллеги продолжили это направление и одновременно бросили ему вызов. Вместо того чтобы искать социальную или политическую функцию науки, Латур предложил смотреть на то, из чего состоят научные практики и как научные результаты операционализируются обществом. Таким образом, наука из инструмента политики у раннего Латура превращается в саму политику: изощренную борьбу ученых за признание и ресурсы, в которой лабораторные исследования и выстраивание аргументов – это не более чем попытка максимально усилить свою позицию в глазах сторонников и противников [32].

Формулируя акторно-сетевую теорию, латурианцы снижают критические акценты ради метафоры нового абстрактного языка: науку и технологии нельзя описывать повседневным идеологическим языком науки и технологий, удобнее было бы представить этот мир как сеть, в котором действуют акторы с более ярко выраженной агентностью и актанты с менее. Этот поворот обеспечил скандальную известность Латура – автора тезиса о том, что действуют не только люди, но и вещи, и даже нематериальные объекты [33].

Перемены в поле исследований науки происходили на фоне глобального культурального (структуралистского и постструктуралистского) поворота в социогуманитарных науках. Интерес исследователей смещается с поиска детерминирующих факторов исторического или социального развития (преимущественно экономических или макросоциальных) на работу механизмов культурного производства и воспроизводства [34]. Идеология, язык, специфические формы культуры, дискурсы и их сложное взаимодействие формируют нашу картину социального мира, в том числе академического. Развитие политически окрашенных проектов постколониальной и феминистской критики подорвало прежде господствующий нарратив «магистрального пути» из прошлого в будущее, который сменился калейдоскопом «тропинок», тесно связанных с интересами, практиками и языками различных социальных групп [35].

Глобальный процесс трансформации социогуманитарной парадигмы, разумеется, затронул и проблемное поле «наук о науке». Тот же актантный подход Латур заимствовал из Парижской школы семиотики, наследие, временами придающее его анализу сетей

структуралистское звучание [36]. Философ Джозеф Роуз в своей программной статье объединяет большое количество различных исследователей, пишущих о науке, в движение культуральных исследований науки. Слово «культуральные» он использует для того, чтобы «включить различные исследования практик, посредством которых научное знание выражается и помещается в специфический культурный контекст, а также переводится и расширяется в новые контексты» [37]. Культуральные исследования науки сочетают в себе современные представления о конструктивистском характере знания с междисциплинарными подходами к культуре как метапространству социогуманитарных наук. В некотором смысле это квинтэссенция современного социального знания, в которой максимально сокращена дистанция между конкретным исследованием и большой социальной теорией.

Впрочем, новые подходы, а тем более методы нельзя создать абстрактно, они появляются в практике конкретных пионерских исследований. В этом смысле показателен пример Обнинского цифрового проекта – одного из самых прорывных новейших исследований в отечественной историографии. Начавшись в 2012–2015 гг. как серия полевых исследований атомного наукограда Обнинска в Калужской области [38], он продолжается как цифровой проект (<http://obninsk-project.net>) и по сей день, более того, именно в последние годы, после первичной обработки собранных данных, он стал приносить все более интересные плоды. В арсенале междисциплинарного коллектива исследователей охват самых разных тем и проблематик – эмпирических, теоретических и даже эпистемологических. Например, постревизионистское исследование партийной организации Обнинска, демонстрирующее как разнообразие стратегий партийного политического участия советских людей, так и то, что специфика секретной Big Science ретерриторизовала сам партийно-политический режим управления научными институтами [39]. Или исследование пространственной топологии институтов внутри наукограда с выходом на возможности их научной и промышленной кооперации в советское время и провалы такой кооперации в наши дни [40]. Нарративное исследование способов физиков-ядерщиков сегодня претендовать на причастность к советской космической про-

грамме, выход в публичную историю [41]. Наконец, за эпистемологию отвечает серия статей об историко-ведческой специфике качественных источников (интервью и их транскриптов) и цифровых (дигитальных) источников, а также о том, как эти новые виды и новые формы старых видов источников меняют исследователя, вплоть до того, что размыывают прежде столь прочную (если не сказать плотную) фигуру автора-исследователя, отбирающего или создающего исторический источник [42–47]. Вплоть до того, что проблематизации не избежала и публичная презентация (в форме выставки) коллегами результатов собственной исследовательской деятельности [48].

Эти исследования были бы невозможны без принципиально рефлексивной позиции участников Обнинского проекта, но думаю, этим дело не ограничивается. Сам предмет их изысканий, ядерный (но далеко не только ядерный!) город, пространство отечественной Big Science, в каком-то смысле пространство производства будущего – все это само по себе требует неортодоксальных подходов к историческому и социальному исследованию⁵. Люди, создающие, воспроизводящие и воспроизводимые этим пространством, зачастую находятся в той же исследовательской рефлексивной позиции, но только их интерес направлен не на себя, а вовне, на тайны природы. Их культура создает новые виды источников; участвуя в создании источников, они хотят играть какую-то роль в их использовании – в каком-то смысле они используют исследующих их гуманитариев не меньше чем те их. Для историка это принципиально новый способ взаимодействия со своими героями – не секрет, что историки в основном предпочитают иметь дело с уже мертвыми людьми, теми, кто не сможет оспаривать результаты их работы.

Таким образом, культуральные исследования науки и технологий меняют не только наше виденье истории или общества, они меняют нашу профессию. Расширить этот интерес до комплексных социальных объектов вроде академгородков и наукоградов – это способ модернизировать историческую науку. Хотя бы потому, что наука как способ мышления принципиально устремлена в будущее (не существует момента, в котором познание исчерпает себя), и писать историю прошлого, исходя из ожиданий будущего, а не настоящего – это по-настоящему амбициозная задача.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То есть претендующих на научность изложения, обеспеченных справочно-ссылочным аппаратом и изданных в академических издательствах. Уже в постсоветское время возникло заметное количество сочинений в защиту лысенковщины, но они носят преимущественно маргинальный публицистический характер, смыкаясь с конспирологической литературой. Исключение составляет разве что изданная научным издательством работа биолога Л.А. Животовского [8].

² Ученые-естественники и гуманитарии, инженеры, рабочие, партийные руководители и активисты, мужчины и женщины, носители традиций дореволюционной интеллигенции и советские интеллигенты – все эти социальные группы неизбежно имели разный опыт, который скрадывается в утопическом нарративе о «республике ученых».

³ А в их числе находится, например, один из отцов-основателей СО АН академик С.А. Христианович, который из-за конфликта с М.А. Лаврентьевым в 1965 г. покинул Академгородок [23].

⁴ Даже не столько способный, а скорее призванный продвигать теорию, в отличие от более «молодых» коллег, которые должны были решать локальные вопросы проблемных полей. Здесь можно вспомнить роль академиков Б.Д. Грекова, В.В. Струве, Н.И. Конрада, Б.А. Рыбакова и других в советской исторической науке. В еще большей степени это было свойственно плеяде крупных физиков, вышедших из советского ядерного проекта: А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатов, П.Л. Капица, М.А. Лаврентьев, Б.Я. Зельдович, А.Д. Сахаров, А.П. Александров и др.

⁵ Помимо Обнинского цифрового проекта стоит упомянуть в этом ряду интересные исторические работы уральской школы историков об уральских атомных городах [49–53]. Можно констатировать, что отдельные части «империи» бывшего Минсредмаша СССР находятся в авангарде исторической рефлексии по сравнению с остальными городами советской Big Science (см. проект История Ростатома (biblioatom.ru), чья библиотека насчитывает сотни мемуарных, публицистических и научных изданий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде – Санкт-Петербурге в 1950–2010-е годы: люди, традиции, свершения. СПб., 2013.
2. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. М., 2008.
3. Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
4. Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1993.
5. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.
6. Сойфер В. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002.
7. Корочкин Л.И. Неолысенковщина в российской биологии // В защиту науки. 2008. № 3. С. 115–125.
8. Животовский Л.А. Неизвестный Лысенко. М., 2014.
9. Грэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
10. Кременцов Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе. Советская биология в 1920–30-х годах. СПб., 1997.
11. Кузнецов И.С. Современная историография новосибирского Академгородка // Вестник НГУ. История, филология. 2014. № 1. С. 130–140.
12. Zubok V. Zhivago's Children: the last Russian Intelligentsia. Harvard University Press, 2009.
13. Josephson P. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, 1997.
14. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006.
15. Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012.
16. Кузнецов И.С. У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск, 2007.
17. Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999.
18. Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006.
19. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо сорока шести». Новосибирск, 2007.
20. Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks // Journal of Modern History. 1998. № 2. P. 384–425.
21. Кукулин И.В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научной интеллигенции // НЛЮ. 2017. № 3.
22. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.
23. Куперштох Н.А. Академик С.А. Христианович и его роль в организации Сибирского отделения АН СССР // Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. Новосибирск, 2004. С. 169–190.
24. De Solla Price D. Little science, Big Science. Columbia University Press, 1962.
25. Добрецов Н.Л. «Треугольник Лаврентьева»: принципы организации науки в Сибири // Вестник РАН. 2001. № 5. С. 428–436.
26. Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–60-х годов. М., 2017.
27. Латур Б. Где приземлиться. Опыт политической ориентации. СПб., 2019.
28. Kojevnikov A. The Phenomenon of Soviet Science // Osiris. 2008. Vol. 23. P. 115–135.
29. Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л., 1933.
30. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
31. Bloor D. Knowledge and Social Imagery (2nd edition). Chicago, 1991.
32. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
33. Латур Б. Нового времени не было. СПб., 2006.
34. Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
35. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.
36. Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. № 1. С. 108–121.
37. Rose J. What are Cultural Studies of Scientific Knowledge? // Configurations. 1992. № 1. P. 57–94.
38. Орлова Г.А. Собирая проект. От составителя раздела // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 154–166.
39. Хандожко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–60-х годов // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 167–199.
40. Орлова Г.А. Город институтов. Заметки о ядерной топологии // Социология власти. 2017. № 4. С. 68–103.
41. Орлова Г.А. Физики-ядерщики в борьбе за космос. Апокриф // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 108–126.
42. Касаткина А.К. «ВКонтакте» с историей: историческая культура соучастия в группе «Петро Обнинск» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 7.
43. Касаткина А.К. На пути к открытым качественным данным // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 7.
44. Орлова Г.А. Е-Оксюморн: дигитальное как качественное // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 7.
45. Орлова Г.А. Со-авторизация, но не соавторство: приключение транскрипта в цифровую эпоху // ШАГИ/STEPS. 2016. № 1. С. 200–223.
46. Орлова Г.А. Как смотреть на «город мирного атома» из социальной сети? Или в поисках утраченной современности // Социология власти. 2018. № 3. С. 93–126.
47. Kasatkina A., Orlova G. Wide open qualitative data: the Obninsk digital problem as ethical dispositive // Russian Journal of communication. 2017. № 3. P. 328–335.
48. Орлова Г.А. Цифровой проект в пространстве галереи: репетируя сборку // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. № 4. С. 94–100.
49. Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Екатеринбург, 1999.
50. Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.
51. Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006.
52. Мельникова Н.В. Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–50 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 23. С. 38–44.
53. Мельникова Н.В. Женская занятость в советском атомном проекте // Российская история. 2017. № 2. С. 65–77.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2020 г.

Akademgorodok's "Big" History: Soviet Science Cities Historiography and Perspectives for Cultural History
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 459, 140–147.

DOI: 10.17223/15617793/459/18

Mikhail O. Piskunov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), E-mail: mpiskunov@eu.spb.ru

Keywords: cultural studies of science; STS; environmental history; Novosibirsk Akademgorodok; science cities; Obninsk digital project.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No 20-68-46044: Imaginary Anthropocene: Environmental Knowledge Production and Transfers in Siberia in the XX–XXI Centuries.

The aim and genre of the article is historiographic analysis and reflection on the potential history of Soviet science cities through the case of Novosibirsk Akademgorodok. The author reviews different approaches and theories to find an appropriate one for a modern study of Akademgorodok and social history of Soviet/post-Soviet science. It is quite a difficult problem because Akademgorodok is a complex space in which different contexts and social subjects intersect. The interest of traditional historiography in both Akademgorodok and Russian/Soviet history of science is pretty often connected with institutional questions (history of organizations, state policy, political dissidence) or chronicles of discoveries. The author's view is that the shift of research interest in the urban space of Akademgorodok, in micropolitics within scientific organizations, in laboratory studies within STS could give historians new contexts for big problem sets in the USSR (e.g. restart of a communist perspective in Khrushchev's time) or even in the world (e.g. forms of the Big Science stage). The author's research methodology is based on a broad field of modern cultural studies of science (including traditional externalist approaches to the history of science and specific Bruno Latour's actor-network theory or Donna Haraway's cyberfeminist perspective). The article consists of two parts describing historiographic contexts of world and Soviet/Russian studies of science. In the first part, the author observes the connection between Russian/Soviet history of science and "big" social/political history and discusses two historiographic cases: (1) the case of Lysenkoism, which is the richest field of the Russian discipline that shows strong and weak sides of Russian history of science historiography; (2) the case of Akademgorodok and perspective research directions this field could initiate. The author proposes three possible contexts of new Soviet science cities history: (1) Akademgorodoks (not just in Novosibirsk but in Tomsk, Krasnoyarsk, and Irkutsk) as "Big Science" late-Soviet managerial projects; (2) the social anthropology of Novosibirsk Akademgorodok, search for its social, gender, academic diversity; (3) the environmental history of Akademgorodok's forests and parks, and the entire role of the Siberian Academy in raising ecological issues since the 1960s (Baikal discussion). The second part of the article is a schematic description and discussion of world science studies trajectories from first semi-philosophical works to the field of cultural studies of science. Summing up, the author makes an emphasis in Russian that the history of science is a historical discipline, it should proceed from historiographic contexts of "big" history and change them by its own contexts. The author finishes the article with a brilliant example of the Obninsk digital project and its consequences for the renovation of history as a science; such studies of science reflect the position of an academic scholar and relation to his/her sources.

REFERENCES

1. Kolchinskiy, E.I. (2013) *Istoriko-nauchnoe soobshchestvo v Leningrade – Sankt-Peterburge v 1950–2010-e gody: lyudi, traditsii, sversheniya* [Historical scientific community in Leningrad–St. Petersburg in the 1950s–2010s: People, traditions, achievements]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Ringer, F. (2008) *Zakat nemetskikh mandarinov* [The Decline of the German Mandarins]. Translated from English. Moscow: NLO.
3. Medvedev, Zh.A. (1993) *Vzlet i padenie Lysenko* [The rise and fall of Lysenko]. Moscow: Kniga.
4. Aleksandrov, V.Ya. (1993) *Trudnye gody sovetskoy biologii. Zapiski sovremennika* [Difficult years of Soviet biology. Notes of a contemporary]. St. Petersburg: Nauka.
5. ShnoI', S.E. (1997) *Geroi i zlodei rossiyskoy nauki* [Heroes and villains of Russian science]. Moscow: Kron-press.
6. Soyfer, V. (2002) *Vlast' i nauka. Razгром kommunistami genetiki v SSSR* [Power and Science. The defeat of genetics by the communists in the USSR]. Moscow: CheRo.
7. Korochkin, L.I. (2008) Neolysenkovshchina v rossiyskoy biologii [Neo-Lysenkoism in Russian biology]. *V zashchitu nauki*. 3. pp. 115–125.
8. Zhiotovskiy, L.A. (2014) *Neizvestnyy Lysenko* [The unknown Lysenko]. Moscow: T-vo nauchnykh izdaniy KMK.
9. Graham, L. (1991) *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
10. Kremetsov, N.L. (1997) Printsip konkurentnogo isklyucheniya [The principle of competitive exclusion]. In: Kolchinskiy, E.I. (ed.) *Na perelome. Sovetskaya biologiya v 1920–30-kh godakh* [At the turning point. Soviet biology in the 1920s and 1930s]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
11. Kuznetsov, I.S. (2014) Modern historiography of Novosibirsk Akademgorodok. *Vestnik NGU. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 1. pp. 130–140. (In Russian).
12. Zubok, V. (2009) *Zhvago's Children: The last Russian Intelligentsia*. Harvard University Press.
13. Josephson, P. (1997) *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton: Princeton UP.
14. Artemov, E.T. (2006) *Nauchno-tehnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrial'noy modernizatsii* [Scientific and technical policy in the Soviet model of late industrial modernization]. Moscow: ROSSPEN.
15. Vodichev, E.G. (2012) *Nauka na vostoке SSSR v usloviyakh industrializatsionnoy paradigmy* [Science in the East of the USSR in the context of the industrialization paradigm]. Novosibirsk: Geo.
16. Kuznetsov, I.S. (2007) *U istokov Akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [At the origins of Akademgorodok: Construction of a city of science in Siberia (1957–1964)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
17. Kupershtokh, N.A. (1999) *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh – 1960-e gg.)* [Personnel of the academic science of Siberia (mid-1950s–1960s)]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Kupershtokh, N.A. (2006) *Nauchnye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [Scientific centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk: Geo.
19. Kuznetsov, I.S. (2007) *Novosibirskiy Akademgorodok v 1968 godu: "Pis'mo soroka shesti"* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: "Letter of the forty-six"]. Novosibirsk: Klio.
20. Kotkin, S. (1998) 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks. *Journal of Modern History*. 2. pp. 384–425.
21. Kukulin, I.V. (2017) Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovaniye interesov pozdnesovetskoy nauchnoy intelligentsii [Periodicals for engineers and technicians: Soviet popular science journals and modeling of the interests of the late Soviet scientific intelligentsia]. *NLO*. 3.
22. Al'tyusser, L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Ideology and ideological apparatus of the state]. *Neprikosnovenny zapas*. 3.
23. Kupershtokh, N.A. (2004) Akademik S.A. Khristianovich i ego rol' v organizatsii Sibirskogo otdeleniya AN SSSR [Academician S.A. Khristianovich and his role in the organization of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences]. In: Krasil'nikov, S.A. (ed.) *Sovetskaya regional'naya kul'turnaya politika: problemy izucheniya* [Soviet regional cultural policy: Problems of study]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 169–190.
24. De Solla Price, D. (1962) *Little Science, Big Science*. Columbia University Press.
25. Dobretsov, N.L. (2001) "Treugol'nik Lavrent'eva": printsiipy organizatsii nauki v Sibiri [The "Lavrent'ev triangle": Principles of organizing science in Siberia]. *Vestnik RAN*. 5. pp. 428–436.

26. Fokin, A.A. (2017) “*Kommunizm ne za gorami*”. *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–60-kh godov* [“Communism is not far off.” Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1960s]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
27. Latour, B. (2019) *Gde prizemlit'sya. Opyt politicheskoy orientatsii* [Down to earth : politics in the new climatic regime]. Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
28. Kojevnikov, A. (2008) The Phenomenon of Soviet Science. *Osiris*. 23. pp. 115–135.
29. Gessen, B.M. (1933) *Sotsial'no-ekonomicheskie korni mekhaniki N'yutona* [The Social and Economic Roots of Newton's Principia]. Moscow; Leningrad: GTTI.
30. Kuhn, T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress.
31. Bloor, D. (1991) *Knowledge and Social Imagery*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.
32. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. Translated from French. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
33. Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo* [We Have Never Been Modern]. Translated from French. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
34. Berke, P. (2015) *Chto takoe kul'tural'naya istoriya?* [What Is Cultural History?]. Translated from English. Moscow: HSE.
35. Potapova, N.D. (2015) *Lingvisticheskiy povorot v istoriografii* [A linguistic turn in historiography]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
36. Napreenko, I.V. (2015) Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: How to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs?. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1. pp. 108–121. (In Russian).
37. Rose, J. (1992) What are Cultural Studies of Scientific Knowledge? *Configurations*. 1. pp. 57–94.
38. Orlova, G.A. (2016) Foreword to the cluster: Assembling the project. *Shagi – Steps*. 1. pp. 154–166. (In Russian).
39. Khandozhko, R.I. (2016) Territory of political anomaly: Party life in a soviet atomic city in the 1950s–1960s. *Shagi – Steps*. 1. pp. 167–199. (In Russian).
40. Orlova, G.A. (2017) The city of research institutes: Notes on the nuclear topology. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 4. pp. 68–103. (In Russian).
41. Orlova, G.A. (2018) Nuclear physicists in the struggle for the right to outer space. *Apocrypha. Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo – Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2. pp. 108–126. (In Russian). DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.09
42. Kasatkina, A.K. (2017) Contacting History in the “VKontakte”: Participatory Historical Culture in the Social Networking Group “Retro Obninsk”. *Istoriya*. 7. (In Russian).
43. Kasatkina, A.K. (2016) Towards open qualitative data. *Istoriya*. 7. (In Russian).
44. Orlova, G.A. (2016) E-oxymoron: Digital as qualitative. *Istoriya*. 7. (In Russian).
45. Orlova, G.A. (2016) Co-authorization, not co-authorship: The adventures of transcript in the digital age. *SHAGI – STEPS*. 1. pp. 200–223. (In Russian).
46. Orlova, G.A. (2018) How to look at “the city of the peaceful atom” from the perspective of the social network? Or: In search of lost modernity. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 3. pp. 93–126. (In Russian).
47. Kasatkina, A. & Orlova, G. (2017) Wide open qualitative data: The Obninsk digital problem as ethical dispositive. *Russian Journal of Communication*. 3. pp. 328–335.
48. Orlova, G.A. (2016) Digital project in the gallery: Coaching the assemblage. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy – Practices & Interpretations. A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*. 4. pp. 94–100. (In Russian).
49. Artemov, E.T. & Bedel', A.E. (1999) *Ukroshchenie urana. Stranitsy istorii Ural'skogo elektrokhimicheskogo kombinata* [The taming of uranium. Pages of the history of the Ural Electrochemical Plant]. Yekaterinburg: Ural State University.
50. Artemov, E.T. (2017) *Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [The atomic project in the coordinates of the Stalinist economy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
51. Mel'nikova, N.V. (2006) *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [The closed nuclear city phenomenon]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
52. Mel'nikova, N.V. (2016) Shaping by the West of the nuclear Soviet Union's image from 1945 to 1950. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 23. pp. 38–44. (In Russian).
53. Mel'nikova, N.V. (2017) *Zhenskaya zanyatost' v sovetskom atomnom proekte* [Women's employment in the Soviet atomic project]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 65–77.

Received: 31 August 2020